

DOI 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-206-213

УДК 39(53)

Михаил Анатольевич Родионов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: mrodio@yandex.ru

**Заочная полевая этнография
в поисках южноаравийской идентичности***

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются первые шаги европейской полевой этнографии на юге Аравии, в Хадрамауте. Жители края, хадрамиты, известны в бассейне Индийского океана как мореходы, торговцы, наемники, а также распространители *правильного* ислама. В Вади Хадрамаут, главную долину, доступ иноверцам был закрыт, поэтому первый европеец, стремившийся проникнуть туда с научными целями (в 1843 г.), фон Вреде, выдавал себя за мусульманина, но был разоблачен уже в начале пути. В Европе его рассказ вызывал сомнения, хотя точность основных данных впоследствии подтвердилась. Большую роль в реабилитации фон Вреде сыграл голландский исламовед Ван ден Берг, чья книга «Хадрамаут и арабские колонии в Индийском архипелаге» представляет собой яркий пример заочной полевой этнографии. Традицию продолжил его соотечественник и критик арабист Снук-Хюргронье, также изучавший ареал *экзопольными* методами. Внимание к теме он сумел передать В. А. Крачковской, ставшей родоначальницей отечественной этнографии Хадрамаута. Героев статьи объединяет заочный интерес к полевой этнографии Хадрамаута и уверенность в существовании особой хадрамитской этнокультурной идентичности, а также этнолингвистический подход, внимание к этнографии текста и готовность работать с информантами за пределами изучаемого ареала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южная Аравия, Хадрамаут, этнокультурная идентичность, полевая и экзопольная этнография

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Родионов М. А. Заочная полевая этнография в поисках южноаравийской идентичности. *Кунсткамера*. 2021. 3(13): 206–213. doi 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-206-213

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00309 А «Хадрамаут — история самоидентификации (VI в. н.э. — 1967 г.)».

Mikhail Rodionov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-Mail: mrodio@yandex.ru

Off-the-Field Ethnography in Search of Hadrami Identity

ABSTRACT. The paper addresses the first steps of European field ethnography in Hadramawt, South Arabia, and consists of four sections: “Hadramis at home and in the Indian Ocean”; “From Adolph von Wrede to L.W.C. van den Berg”; “From Christiaan Snouck Hurgronje to Vera Krachkovskaia”; and “Hadrami identity and the off-field ethnography”. Hadramis are known all over the Indian Ocean as seafarers, traders, mercenaries, and religious scholars of *real* Islam. Since the inner valleys of Wadi Hadramawt had been prohibited to non-Muslims, the first European who tried to penetrate it (in 1843) with scholarly aims, von Wrede, declared himself a Muslim but was disclosed at the first stage of his journey. In Europe, the authenticity of his story had been questioned; nevertheless the accuracy of his main data was later confirmed. A major role in his rehabilitation was played by the Dutch Arabist van den Berg, whose book is a prime example of the off-field ethnography. The tradition was continued by his compatriot Snouck Hurgronje, who also studied the area with *exofield* methods. He managed to convey his interest to Vera Krachkovskaia, the founder of Russian ethnography of South Arabia. These scholars shared a focused interest in Hadramawt’s field ethnography and confidence in the existence of a distinct Hadrami ethnocultural identity, as well as an ethnolinguistic approach, attention to textual ethnography, and willingness to work with informants beyond the studied region.

KEY WORDS: South Arabia, Hadramawt, ethnic and cultural identity, field and off-field ethnography

FOR CITATION: Rodionov M. Off-the-Field Ethnography in Search of Hadrami Identity. *Kunstkamera*. 2021. 3(13): 206–213. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-206-213

Социально-политический кризис, охвативший Ближний Восток, и пандемия COVID-19, охватившая всю планету, ставят перед этнографами новые задачи по изучению кризиса социокультурных идентичностей в условиях изоляции. В наши дни тезаурус антропологической терминологии пополнился такими выражениями, как дигитальная, или цифровая, этнография, этнокультурная виртуальность и т.д.

Но надо ли новые технические методы и инструменты отдаленной (дистанционной) этнографии противопоставлять приемам классической полевой науки, решающей свои задачи обычно путем непосредственной очной работы в конкретном этнокультурном пространстве? Стоит вспомнить, что хорошие научные результаты порой получали специалисты, которые в изучаемом пространстве никогда не работали, а занимались тем, что можно назвать *заочной полевой этнографией*.

Рассмотрим опыт заочной полевой этнографии на примере одного южноаравийского историко-культурного ареала (Хадрамаут) и четырех его исследователей-арабистов.

ХАДРАМИЙЦЫ ДОМА И В БАССЕЙНЕ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

Природное своеобразие Хадрамаута в его многосоставности: прибрежная полоса переходит в труднодоступные плоскогорья, а они — в разветвленную сеть плодородных долин-вади. Эти географические зоны ограничены Аравийским морем с юга и жаркой пустыней Рамлат ас-Сабатеин с севера. За долгую историю Хадрамаута менялись его правители и формы управления, но сохранялось представление о том, что это единая область, единый край (*иклим*) с неизменным названием, которое народная этимология трактует как «пришла смерть [к нашим врагам]». Отсюда специфика его истории — особое сочетание интегрирующих и дифференцирующих факторов: раздробленность при тяге к единству.

Население края, *хадрабийцы*, социально стратифицировано, т. е. в их обществе существовала и в какой-то мере существует до сих пор довольно жесткая наследственная иерархия традиционных социальных слоев (страт) — характерная черта всей Южной Аравии.

Эта иерархия основана:

- 1) на принципе брачных соответствий, в значительной степени регулируемых гипергамией (женятся на равной или низшей по статусу, выходят замуж за равного или высшего);
- 2) системе декларируемых генеалогий;
- 3) постратовом разделении социальных функций и занятий.

Напрашивается аналогия с индийскими кастами, однако отсутствие четкого религиозного освящения южноаравийских страт и присущая стратифицированному обществу определенная социальная мобильность не позволяют отождествлять страты с кастами (Rodionov 2007: 2–3, 19–29, 42).

Социальная организация хадрамаутского общества имела племенную форму. Важную роль играли также традиционные социальные институты оседлого неплеменного населения — квартальные, производственные и другие, часть которых дошла до нашего времени от древних южноаравийских цивилизаций. Шариатские нормы утверждались и поддерживались исламскими институтами. На этих трех основах в условиях отсутствия централизованной власти строился локальный механизм социальной регуляции.

Современная этноплеменная картина сложилась в изучаемом регионе примерно сто-двести лет назад, причем переселения внутри ареала и миграция хадрабийцев за его пределы, преимущественно в страны бассейна Индийского океана, как правило, меняли социальный статус мигрантов, а иногда и их стратовую принадлежность (Rodionov 2007: 39–43).

Жители Хадрамаута привлекали внимание исследователей своей мобильностью и предприимчивостью: во всех концах Индийского океана (от Мадагаскара до Тимора, от Занзибара и Кении до Восточной Индии, Явы и Сингапура) хадрабийцы выступали как мореходы, торговцы, наемники, а также распространители *правильного* ислама (суннизма шафиитского мазхаба).

Вместе с тем в Вади Хадрамаут, главную долину с ее притоками, доступ иноверцам был закрыт до конца XIX в.

ОТ АДОЛЬФА ФОН ВРЕДЕ ДО ЛОДОВИКА ВАН ДЕН БЕРГА

Первым европейцем, попытавшимся проникнуть во внутренний Хадрамаут с научными целями, считается уроженец Вестфалии Адольф фон Вреде (1807–1865), прибывший в хадрамаутский порт ал-Мукалла в июне 1843 г. и высланный из страны в августе того же года. Он выдавал себя за мусульманина, намеревавшегося совершить паломничество по обету к могиле доисламского пророка Худа, якобы исцелившего его от тяжелой болезни, но был разоблачен в городке Сиф, на дальних подступах к главной долине. Подлинность его рассказов и путевого дневника вызвала у ряда экспертов сомнение, но впоследствии точность большинства его сведений, кроме нескольких расспросных данных, была подтверждена в поле (Крачковская 1943: 32; Rodionov 2007: 5–6).

Путевые записки фон Вреде были опубликованы только в 1870 г., когда происходило активное становление этнографии как самостоятельной гуманитарной дисциплины, поэтому издатель книги немецкий филолог и путешественник Г. фон Мальцан в духе времени выделяет этнографический материал в названиях подглавок, а в своем введении к книге употребляет определение «этнологический», разоблачая мистификатора дю Курэ, будто бы посетившего Внутренний Хадрамаут в 1844 г. (Wrede 1870: 7).

В записках дана характеристика внешнего вида, интерьера и обстановки традиционного локального жилища (Wrede 1870: 102–104, 193). Приводятся сведения о занятиях населения, например о финиководстве (Wrede 1870: 52, 184–186), выращивании технических культур: табака (Wrede 1870: 60, 228), сезама (Wrede 1870: 61, 170, 184, 213, 232), индиго (Wrede 1870: 63, 112, 203–204, 220, 223, 228, 230, 235, 268). Сообщается об оросительной системе, типах колодцев и водосборников, о паводковом орошении (Wrede 1870: 88, 90, 95, 105–106, 137, 142–143, 172, 267–268). Не обойдены вниманием традиционная одежда: платье бедуинки (Wrede 1870: 90–91, 170–171), платье оседлых (Wrede 1870: 110–112) — и музыкальный фольклор (Wrede 1870: 94, 119, 132, 194, 195, 217, 219).

Говорится и о некоторых сторонах социальной организации бедуинов Хадрамаута, например о племенном совете (Wrede 1870: 196), церемониях, связанных с началом межплеменного конфликта, и об обычаях примирения (Wrede 1870: 198–199), о кровомщении (Wrede 1870: 226–228), обрядности: свадебной — у оседлых (Wrede 1870: 217–220), кочевников (Wrede 1870: 262–263) — и похоронной — у оседлых (Wrede 1870: 234–235), кочевников (Wrede 1870: 239–240); о повседневных нравах — трапезе у кочевников (Wrede 1870: 93–94).

Представление хадрамитцев о внешнем мире автор записок иллюстрирует следующим примером: «Еще замечательнее их мнения о чужих народах. Они верят, что царь земли Российской — государь, чей рост семь локтей, а стража его состоит из семи тысяч людоедов, которые ростом и телесной силой даже превосходят своего господина, и у каждого из них (как у циклопов) вот лбу по одному лишь глазу».

Приводится также рассказ бедуинов об османском султানে, который якобы так увлекся красотой царицы Англии, что, обратив ее в ислам, поместил в свой гарем, где она родила ему семь сыновей (Wrede 1870: 71).

Особое место уделяется племенной номенклатуре и численности населения (Wrede 1870: 102, 169–170, 185–186, 253–256). Часть этих сведений издатель книги фон Мальцан выделил в специальное приложение (Wrede 1870: 313–323). В примечаниях издателя дан этимологический комментарий, чаще всего связанный с ономастическими реалиями (Wrede 1870: 275–293). Карта Внутреннего Хадрамаута, заочно составленная фон Мальцаном, несмотря на несовершенство, послужила отправной точкой для дальнейших картографических разысканий, как сами записки фон Вреде для дальнейших этнографических исследований.

Большую роль в реабилитации фон Вреде сыграл голландец Лодовик Виллем Христиан Ван ден Берг (1845–1927), специалист по исламскому праву (ханафитский и шафиитский мазхабы), чиновник колониальной администрации в Нидерландской Ост-Индии. Его книга «Хадрамаут и арабские колонии в Индийском архипелаге», вышедшая в 1886 г., представляет собой яркий пример заочной полевой этнографии, отражавшей интерес колониальной администрации на Яве к иммигрантам с Юга Аравии, большинство которых происходило из Хадрамаута.

В первой части работы (Berg 1886: 9–103) после географической справки и разбора сведений, извлеченных из записок путешественников, приводятся данные о властных структурах Хадрамаута, его экономической, общественной и частной жизни (рубрики: город и деревня, продукты питания, домочадцы и рабы, финансы, торговля, ремесла, сельское хозяйство, охота, верования, наука и искусство, потомки Пророка, положение женщин, одежда).

Вторая часть работы (Berg 1886: 104–230) посвящена арабским колонистам на островах Индийского архипелага, истории эмиграции, занятиям мигрантов, их верованиям и системе образования, политическим пристрастиям, различиям между оставшимися на родине и колонистами, их влиянию в регионе.

В третьей части (Berg 1886: 231–290) рассматриваются особенности разговорного языка Хадрамаута в сравнении с тем креолизированным языком, на котором изъясняются арабы архипелага, и тексты переписки между теми и другими. В приложении (I–VII) дана карта Хадрамаута, образцы традиционной архитектуры (мечеть, жилой дом, башня-замок), мужской и женской одежды жителей Хадрамаута и архипелага.

Знаменательно, что Ван ден Берг, не бывавший в Хадрамауте, сумел проанализировать путевой дневник фон Вреде и признал научную ценность его записок (Berg 1886: 5).

ОТ ХРИСТИАНА СНУК-ХЮРГРОНЬЕ ДО ВЕРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ КРАЧКОВСКОЙ

Заочный интерес к Хадрамауту и к *экзопольным* методам его изучения проявлял и другой голландский арабист-исламовед (специалист по мусульманскому преданию-хадисам) Христиан Снук-Хюргронье (1857–1936), побывавший в 1884 г. в запретной для немусульман Мекке, где он общался с выходцами из Хадрамаута, паломниками к Каабе. В 1891–1906 гг. он служил советником правительства в нидерландской Ост-Индской компании.

Снук-Хюргронье внес вклад в южноаравийскую этнолингвистику и этнографию текста после выхода в свет книги Ван ден Берга, которую он изучил внимательно и придиричиво (Snouck Hurgronje 1891: 20–30).

В статье 1891 г. на материале словесного фольклора он показал разницу в некоторых говорах Хадрамаута, в частности между разговорным языком Сейуна и Тарима, двух городов Вади Хадрамаут¹. В его статье 1905 г. рассматривается обычай, согласно которому сильное племя в случае конфликта могло наложить запрет на хозяйственную и социальную жизнь зависимого населения, «остановить» ее (Snouck Hurgronje 1905: 92–99). В публикации 1906 г. Снук-Хюргронье рассказывает о племени поэтов Ба Атва, сочиняющих стихи на разговорном языке и хранящих в памяти стихотворное наследие предков. И наконец, его публикация 1911 г. посвящена загадочному суфийскому аскету Саду ас-Сувейни, покровителю земледельцев, которому приписываются многие чудеса и стихи на разговорном языке.

Неравнодушный к этнографии Хадрамаута, выходцы из которого играли столь важную роль в жизни Нидерландской Ост-Индии², Снук-Хюргронье с живостью откликался на публикации об этом крае. Свой интерес к Хадрамауту он сумел передать супругам Крачковским, когда Игнатий Юлианович и Вера Александровна были в Голландии предвоенной осенью 1914 г. Они часто

¹ Снук-Хюргронье дает более точное толкование пословицы «верблюд выжимает [сезамовое] масло, [а другой верблюд] ест жмых», чем автор настоящей статьи — «верблюд выжимает [сезамовое] масло, [поэтому] верблюд ест жмых» (Rodionov 2007: 199).

² О хадрабийско-индонезийских этнокультурных взаимодействиях см., например: (Rodionov, Schoenig 2010).

встречались «у Снуков», обсуждали востоковедные сюжеты и востоковедов, слушали сделанные Снуком-Хюргронье фонографические записи арабских песен и материалов на разговорном арабском, а после начала Первой мировой войны голландский арабист помог Крачковским вернуться в Россию (Долинина 1994: 132–133).

В. А. Крачковская (1884–1974) стала родоначальницей отечественной этнографии Хадрамаута. Серию ее публикаций открыла статья по истории изучения края, вышедшая в Известия Всесоюзного географического общества в 1943 г. на столетнюю годовщину путешествия Адольфа фон Вреде. Далее В. А. Крачковская разрабатывала две темы — традиционное жилище Хадрамаута (Крачковская 1944; 1947а; 1947б) и его традиционная женская одежда (Крачковская 1946; 1964).

В экзопольных разысканиях ей помогали ее художественные способности, позволявшие свободно ориентироваться в чужом полевым и музейном материале, выделяя из него типологические элементы. Так, в описи коллекции № 5752 МАЭ РАН (14 предметов арабской мужской и женской одежды, поступившие в музей в 1939 г.) имеются подробные комментарии четы Крачковских, цитируемые в статье Л. А. Булановой (1970: 262–277).

В беседах с петербургскими арабистами (включая автора настоящей статьи) В. А. Крачковская не раз упоминала о том, что еще в середине XIX в. Императорское Русское географическое общество планировало экспедицию в Хадрамаут, сорвавшуюся из-за Крымской войны. Этот факт, несомненно, повлиял на выбор исследовательского поля в 1982 г., когда Б. Б. Пиотровский (1908–1990) и П. А. Грязневич (1929–1994) создавали Советско-Йеменскую комплексную экспедицию Академии наук (СОЙКЭ).

ХАДРАМИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЗАОЧНАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Знаменательно, что наши этнографы — от фон Вреде до Крачковской — воспринимали Хадрамаут как самодостаточную культурно-географическую общность на юге Аравии, но отнюдь не как составную часть Йемена, а хадрамитцев имплицитно рассматривали как этнос в составе арабского суперэтноса, но не как интегральную составляющую йеменского народа.

Слагаемые хадрамитской идентичности легко представить как несколько уровней солидарности в духе известной арабской пословицы «Я с братом против двоюродного брата, я с двоюродным братом против соплеменника, я с соплеменником против чужака». Базовыми уровнями солидарности можно считать родственный/стратовый, за которым следует локальный (от родного дома и края до региона), дальше идут языковой (наш язык арабский) и конфессиональный (мы — сунниты шафиитского толка) уровни. Центральные власти государственных формирований, включавших Хадрамаут, обычно подозревали его жителей в сепаратистских настроениях. Так, в эпоху Народной Демократической Республики Йемен была сделана попытка вообще отказаться от исторических названий провинций, пронумеровав их от 1 до 6: Хадрамауту досталась цифра 5.

Особое отношение хадрамитцев к своей родине включает восприятие ее ландшафта как сакрального — с гробницами доисламских пророков и мусульманских аскетов. На востоке края расположен колодец Бархут, который считается местом, где томятся души усопших, прежде чем отправиться в рай или ад (Rodionov 2010: 341–345).

Слагаемые хадрамитской идентичности включают также представления о том, что их родина — это центр ойкумены, населенной выходцами из Хадрамаута, чьи потомки мечтают вернуться на историческую родину, где они никогда не бывали и о которой они составили представление с помощью методов, близких к методам заочной этнографии³.

Что же объединяет этнографов — героев статьи, помимо заочного интереса к полевой этнографии Хадрамаута и уверенности в существовании особой хадрамитской этнокультурной иден-

³ Подробнее о связи хадрамитской идентичности с хадрамаутской диаспорой см.: (Hadhramaut 2017).

тичности? Во-первых, изучение конкретной этнической культуры через язык — литературный, разговорный, поэтический, или экспрессивный, т.е. этнолингвистический подход; во-вторых, стремление выявить и по возможности проанализировать ключевые тексты, связанные с изучаемой темой в духе этнографии текста; в-третьих, готовность работать с информантами за пределами изучаемого ареала.

Хочется верить, что опыт и инструментарий, применявшиеся в заочной полевой этнографии XIX–XX вв., помноженные на внушительные возможности современных технологий, откроют для исследователей новые горизонты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Буланова Л. А.* Арабские этнографические коллекции МАЭ // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970. С. 262–281. (Сборник МАЭ. Т. XXVI).
- Долинина А. А.* Невольник долга. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.
- Крачковская В. А.* К столетию изучения Хадрамаута: 1843–1943 // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 75, вып. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. С. 31–45.
- Крачковская В. А.* Жилище и жилищный вопрос в Хадрамауте // Академику Крачковскому от московской группы Института востоковедения. М.: Институт востоковедения, 1944. С. 1–13.
- Крачковская В. А.* Женский костюм Хадрамаута (Южная Аравия) // Научная сессия [Ленинградского государственного университета]. Тезисы доклада по секции востоковедения. Л.: ЛГУ, 1946. С. 25–26.
- Крачковская В. А.* Жилище в Хадрамауте // Советская этнография. 1947а. № 2. С. 167–186.
- Крачковская В. А.* Историческое значение памятников южноарабской архитектуры // Советское востоковедение. 1947б. № 4. С. 105–128.
- Крачковская В. А.* Женская одежда Хадрамаута // Исследования по истории стран Востока. Л.: Наука, 1964. С. 129–157.
- Berg L. W. van den.* Le Hadramout et les colonies arabes dans l'Archipel Indien. Batavia: Imprimerie du gouvernement, 1886.
- Hadhramaut and its Diaspora: Yemen Politics, Identity and Migration / ed. by Noel Brehony. London: I. B. Tauris, 2017.
- Rodionov M.* The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991 // Orientwissenschaftliches Hefte der Martin-Luther-Universitaet Halle-Wittenberg, 2007. Hft. 24. P. 307.
- Rodionov M.* Wādī Ḥaḍramawt as a Landscape of Death and Burial // Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary Perspectives / ed. by L. Weeks. BAR International Series 2107. 2010. P. 341–345 (Society for Arabian Studies Monographs. No. 10 / eds. D. Kennet, St. J. Simpson).
- Rodionov M., Schoenig H.* The Hadramawt Documents, 1904–51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Orient-Institut Beirut: Ergon, 2011. (Beirut Texts and Studies 130).
- Snouck Hurgronje C.* Enkele zegswijzen en een raadsel der Hadhramieten // Festbundel aan Prof. M. J. de Goeje. Leiden: Brill, 1891. P. 19–31.
- Snouck Hurgronje C.* L'Interdit séculier en Hadramaout // Revue africaine. 1905. No. 256. P. 92–99.
- Snouck Hurgronje C.* Zur Dichtkunst der Ba Atwah in Hadhramot // Orientalische Studien Th. Noldeke. Gieszen, 1906. Bd. 1. P. 97–107.
- Snouck Hurgronje C.* Sad es-Suweni. ein seltsamer Wali in Hadhramot // Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete. Strassburg, 1911. Bd. 26. P. 22–239.
- Wrede A. von.* Adolph von Wrede's Reise in Hadhramaut, Beled Beny Yssa und Beled el Hadschar / Hrg. H. von Maltzan. Braunschweig, 1870.

REFERENCES

- Berg L. W. van den. *Le Hadramout et les colonies arabes dans l'Archipel Indien*. Batavia: Imprimerie du gouvernement, 1886. (In French)
- Bulanova L. A. Arabskie etnograficheskie kollektzii MAE [Arab Ethnographic Collections of the MAE]. *Traditsionnaia kul'tura narodov Perednei i Srednei Azii. Sbornik MAE* [Traditional Culture of the Peoples of Western and Central Asia. Collections of the Museum of Anthropology and Ethnography], 1970, vol. 26. Leningrad: Nauka, pp. 262–281. (In Russian)

- Dolinina A. A. *Nevol'nik dolga* [The Servant of Duty]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1994. (In Russian)
- Hadramaut and its Diaspora: Yemen Politics, Identity and Migration. Ed. by Noel Brehony. London: I. B. Tauris, 2017.
- Krachkovskaia V. A. K stoletiiu izucheniiia Hadramauta: 1843–1943 [100 Years of Research in Hadramawt: 1843–1943]. *Izvestiia Vsesoiuznogo Geograficheskogo Obshchestva* [Proceedings of the All-Soviet Geographical Society], vol. 75, no. 3. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1943, pp. 31–45. (In Russian)
- Krachkovskaia V. A. Zhilishche i zhilishchnyi vopros v Khadramaute [Dwelling and the Problem of Habitat in Hadramawt]. *Academiku Krachkovskomu ot Moskovskoi gruppy Instituta vostokovedeniia* [To Academician Krachkovski from the Moscow Section of the Institute for Oriental Studies]. Moscow: Institut vostokovedeniia, 1944, pp. 1–13. (In Russian)
- Krachkovskaia V. A. Zhenskii kostium Khadramauta (Iuzhnaia Araviia) [Women's Costume of Hadramawt (South Arabia)]. *Nauchnaia sessiia. Tezisy dokladov po sektsii vostokovedeniia* [Academic Session. Abstracts of Papers Presented at the Section for Oriental Studies]. Leningrad: [Leningrad State University Publications], 1946, pp. 25–26. (In Russian)
- Krachkovskaia V. A. Zhilishche v Hadramaute [Dwelling in Hadramawt]. *Sovetskaia Etnografiia*, 1947, no. 2, pp. 167–186. (In Russian)
- Krachkovskaia V. A. Istoricheskoe znachenie iuzhnoarabskikh arkhitekturnykh pamiatnikov [The Historical Significancy of South-Arabian Architectural Monuments]. *Sovetskoe vostokovedenie*, 1947, no. 4, pp. 105–128. (In Russian)
- Krachkovskaia V. A. Zhenskaia odezhda Khadramauta [Women's Clothing of Hadramawt]. *Issledovaniia po istorii stran Vostoka* [Studies on the History of Oriental Countries]. Leningrad: Nauka, 1964, pp. 129–157. (In Russian)
- Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991. *Orientwissenschaftliches Hefte. Martin-Luther-Universitaet. Halle-Wittenberg*, Bk. 24, 2007, p. 307.
- Rodionov M. Wādī Ḥaḍramawt as a Landscape of Death and Burial. *Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary perspectives*. Ed. L. Weeks. BAR International Series 2107, 2010, p. 341–345 (Society for Arabian Studies Monographs, no. 10. Eds. D. Kennet and St. J. Simpson).
- Rodionov M., Schoenig H. The Hadramawt Documents, 1904–51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Orient-Institut Beirut: Ergon, 2011. (Beirutes Texte und Studien 130).
- Snouck Hurgronje C. Enkele zegswijzen en een raadsel der Hadhramieten. *Festbundel aan Prof. M. J. de Goeje*. Leiden: Brill, 1891, pp. 19–31. (In Dutch)
- Snouck Hurgronje C. L'Interdit séculier en Hadramaout. *Revue africaine*, 1905, no. 256, pp. 92–99. (In French)
- Snouck Hurgronje C. Zur Dichtkunst der Ba Atwah in Hadhramot. *Orientalische Studien Th. Noldeke*. Gieszen, 1906, vol. 1, pp. 97–107. (In German)
- Snouck Hurgronje C. Sad es-Suweni, ein seltsamer Wali in Hadhramot. *Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete*. Strassburg, 1911, vol. 26, pp. 221–239. (In German)
- Wrede A. von. *Adolph von Wrede's Reise in Hadhramaut, Beled Beny Yssa und Beled el Hadschar*. Hgb. H. von Maltzan. Edited by H. von Maltzan Braunschweig, 1870. (In German)

Submitted: 10.04.2021
Accepted: 30.05.2021
Published: 10.10.2021